

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Миронова Е. В. Социально-экономическая деятельность дворянок Казанской губернии во второй половине XIX — начале XX веков / Е. В. Миронова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 381—399. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-381-399.

Mironova, E. V. (2025). Social and Economic Activities of Noblewomen in Kazan Province in Late 19th to Early 20th Century. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 381-399. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-381-399. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Социально-экономическая деятельность дворянок Казанской губернии во второй половине XIX — начале XX веков

Миронова Елена Валерьевна

orcid.org/0000-0003-2818-8490

Scopus Author ID: 56705266300

кандидат исторических наук,

отдел новой истории

Yelena.Mironova@yandex.ru

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
(Казань, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет
предоставленного в 2024 году
Академией
наук Республики Татарстан гранта
молодым кандидатам наук
(постдокторантам) с целью защиты
докторской диссертации

Social and Economic Activities of Noblewomen in Kazan Province in Late 19th to Early 20th Century

Elena V. Mironova

orcid.org/0000-0003-2818-8490

Scopus Author ID: 56705266300

PhD in History,

Department of Modern History

Yelena.Mironova@yandex.ru

Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy of Sciences
(Kazan, Russia)

Acknowledgments:

This research was funded by a 2024
grant from the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan for young
candidates of sciences (postdoctoral
researchers) to support the preparation
of a doctoral dissertation

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению социальной и экономической активности казанских дворянок во второй половине XIX — начале XX столетий. Проанализированы мемуары, дневники и письма нескольких владелиц поместий Казанской губернии. Оценивается субъектность женщин, авторов мемуаров, как способность к самостоятельному осознанному выбору жизненного пути в таких областях, как образование, трудовая и общественная деятельность. Подчеркивается значение эго-документов для реконструкции «женского взгляда» на социальную повседневность и для изучения мотивации дворянок при выборе видов деятельности. Сделан вывод, что культурный подъем второй половины XIX — начала XX веков, сопровождавшийся эмансипацией женщин, предоставил дворянкам возможность реализовать свою субъектность в образовательном и профессиональном плане. Отмечается стремление некоторых казанских дворянок к продолжению образования после окончания курса средней школы, но чаще только при условии поддержки со стороны близких. Показано, что хозяйственная и трудовая деятельность дворянок заключались в управлении имением, учреждении обучающих курсов, преподавании, лечении крестьян и т. д. Под общественной деятельностью дворянок подразумевается благотворительность (открытие столовых, приютов, школ, служение в качестве сестер милосердия) и участие в светской жизни (визиты, рауты, балы, вечера, театры с целью установления связей и их использования для протекции в пользу знакомых).

Ключевые слова:

Казанская губерния; эго-документы; социальная повседневность; образование женщин; общественная деятельность женщин; труд женщин; дворянки.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the social and economic engagement of noblewomen in Kazan Province during the late 19th and early 20th centuries. It analyzes memoirs, diaries, and letters from several estate owners in the region, assessing the agency of these women as authors of their narratives and their capacity for independent and conscious choices regarding their life paths in areas such as education, labor, and social involvement. The significance of ego-documents is highlighted for reconstructing the “female perspective” on social everyday life and for understanding the motivations of noblewomen in their pursuits. The study concludes that the cultural revival of the late 19th to early 20th centuries, accompanied by women's emancipation, provided noblewomen with opportunities to assert their agency in educational and professional realms. It notes a tendency among some Kazan noblewomen to pursue further education beyond secondary school, often contingent upon support from family members. The article illustrates that the economic and labor activities of these women included estate management, establishing educational courses, teaching, and providing medical care to peasants. Their social engagement encompassed charitable endeavors (such as opening canteens, orphanages, and schools, as well as serving as nurses) and participation in secular life (including visits, receptions, balls, and theater outings aimed at building connections for the benefit of acquaintances).

Key words:

Kazan Province; ego-documents; social everyday life; women's education; women's social engagement; women's labor; noblewomen.

УДК 94(470.4)“1861/1892”:352

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-381-399

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Социально-экономическая деятельность дворянок Казанской губернии во второй половине XIX — начале XX веков

© Миронова Е. В., 2025

1. Введение = Introduction

Историографию социальной активности женщин в области образования, трудовой и общественной жизни можно разделить на три этапа: дореволюционный, советский и современный. В имперский период появилась публицистическая литература, представленная главным образом статьями о развитии высшего образования для женщин, а также об их трудовой самореализации [К организации..., 1914; Вернадская, 1862; Телеграфная ..., 1916; Сухов, 1912]. Появление этих публикаций было вызвано вниманием общественности к вопросам изживания социальных ограничений, а также нехватки в определенных сферах квалифицированных рабочих рук в период русско-японской и Первой мировой войн. Кроме того, ряд работ был посвящен вовлеченности женщин в общественную и политическую жизнь страны [Женская..., 1875; Межуев, 1906; Петражицкий, 1907].

В советское время феномен трудовой эмансипации женщин изучался в качестве одного из достижений революции в 1920-х годах [Миловидова, 1929; Самойлова, 1920]. Эта тенденция имела продолжение в последующие годы. Так, в 1959 году выходит сборник воспоминаний участниц революций и Гражданской войны [Женщины..., 1959]. В последней трети XX века появляются исследования вопросов женского образования и труда в связи с ростом научного интереса к социальной истории [Федосова, 1980; Тишкин, 1984].

На современном этапе историография изучения вопросов женского образования [Оноприенко, 2009; Чернуха, 2008; Верemenko, 2004; Белова, 2002; Фролова, 2011], труда [Филатова, 2019; Верemenko, 2014; Пушкарева, 2012] и общественной деятельности [Мартыненко, 2002; Тончу, 2008; Фалько, 2002; Пашенцева, 2003; Кеня, 2014] значительно обогатилась, подходы стали более разнообразными, разрабатываются новые методологические приемы. На региональном уровне некоторые сюжеты были изучены казанскими историками Е. В. Афониной, С. А. Фроловой, А. Ю. Федото-

вой и др. [Афони́на, 2002; Паравина, 2006; Утробина, 1999; Фролова, 2011; Федотова, 2024]. Тем не менее самостоятельного исследования, посвященного социальной повседневности дворянок Казанской губернии, в настоящее время нет. Между тем изучение этого вопроса открывает перспективы для изучения роли женщин в модернизации провинции второй половины XIX — начала XX веков.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Эго-документы служат источником эмпирических данных для изучения повседневности. При их анализе использовался биографический метод исследования, позволивший через видение автора изучить жизнь провинциальной дворянки во второй половине XIX — начале XX веков. Были привлечены разнообразные виды источников личного происхождения, такие как мемуары, дневники, письма, произведения автобиографистики. Хронологически корпус источников охватывает широкий временной промежуток — с 1850-х годов до 1917 года включительно, что позволяет проследить историческую изменчивость повседневности.

Одни из самых ранних воспоминаний принадлежат перу известной представительницы народнического движения, помещицы Тетюшского уезда В. Н. Фигнер (1852—1942) [Фигнер, 1922]. Мемуары не только содержат богатые сведения о детских и институтских годах жизни, но и насыщены информацией о ее общественно-политических занятиях. Описания быта и частной жизни провинциальной дворянки содержатся и в воспоминаниях О. А. Боратынской (1843—1918) [НМРТ, КП 32827/17] и ее дочери К. Н. Боратынской (1878—1958) [Боратынская, 2007]. Обе практически всю жизнь провели в Казани и имении в с. Шушары, занимались благотворительной и культурно-просветительской деятельностью в крестьянской среде. Также были использованы воспоминания М. П. Ватаци (1860—1936) [Ватаци, 1913] — педагога, супруги товарища министра внутренних дел, сенатора, сестры известного деятеля и писателя по сельскому хозяйству А. П. Мертваго.

Дневник М. Л. Казем-Бек (1855—1918) [Казем-Бек, 2016] отражает будни дворянки — супруги высокопоставленного столичного чиновника. Однако сезонные миграции между Петербургом и поместьем в Казанской губернии сближали ее быт с дворянством в провинции. Так, она занималась хозяйственными делами в поместье и на все лето погружалась в деревенскую жизнь, наполненную встречами с родственниками и друзьями, а также помощью крестьянскому населению в неурожайные годы. Поэтому ее жизнь мы рассматриваем как часть повседневности провинциальной дворянки.

Дополнительным источником по теме стала личная переписка дворянок Казанской губернии. Среди адресатов, в частности, была Елизавета Молостова (1873—1936). Е. В. Молостова являлась действительным членом Русского географического общества, она владела имением в с. Долгая Поляна в Тетюшском уезде, вела переписку с Л. Н. Толстым и поддерживала дружеские отношения с его женой Софьей Андреевной. Брат Е. В. Молостовой, Борис Владимирович Бер, стал поэтом и переводчиком.

Кроме того, в исследовании была использована автобиография крупной землевладелицы Спасского уезда А. В. Молостовой (род. в 1886 году). Она была написана в советское время и повествует главным образом о профессиональной деятельности автора в качестве преподавателя и переводчика в период Первой мировой войны и в годы существования Советской власти.

Хронологически завершает источниковый корпус исследования автобиографический роман правнучки поэта Е. А. Боратынского О. А. Ильиной (1894—1991) [Ильина, 2008]. Несмотря на то, что это художественное произведение, оно основано на реальных событиях и позволяет представить повседневную жизнь в провинции.

Эго-документы позволяют увидеть, каким путем осуществлялся выбор жизненного пути и насколько самостоятельным он был. Благодаря тому, что авторы представляют несколько поколений казанских дворянок, есть возможность увидеть повседневность в динамике. В данном исследовании мы сосредоточили внимание на таких сферах, как образование, трудовая и общественная деятельность, наиболее подверженных изменениям, являющихся своего рода индикаторами модернизации общества и позволяющих проследить вовлеченность казанских дворянок в эти процессы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Получение высшего и среднего специального образования казанскими дворянками

Если среднее образование девочки получали по усмотрению своих родителей, то высшее могли уже выбирать по собственному желанию. Тем более что доступ к высшему образованию для женщин даже в начале XX века был затруднен, поэтому для выбора этого пути требовалась значительная мотивация.

По окончании Родионовского института благородных девиц В. Н. Фигнер решила продолжить образование. Выйдя замуж и поселившись с мужем сначала в Тетюшах, а затем в с. Никифоровке, Вера Николаевна не оставляла мысль об университете и находила в этом поддержку от супруга А. В. Филиппова. В. Н. Фигнер владела немецким языком, а под руковод-

ством своего мужа продолжала заниматься математикой. В начале 70-х годов XIX века идея женского высшего образования не была еще широко распространена в обществе и требовалось немалое мужество, чтобы реализовать ее. Переломным моментом стал разговор Веры с отцом: *«Я сказала; просила совета». — Отец отвернул лицо и с тоской произнес: «Не знаю». — Я встала. — «Зачем я сказала? Зачем говорила?», — думала я с чувством жгучего стыда, что раскрыла свою душу. И отчетливо, резко мысль начертила в сознании: «Великие решения человек должен принимать для себя сам»* [Фигнер, 1922, с. 70].

Университетский устав 1863 года запрещал женщинам поступать в университеты [Семенкова, 1998, с. 102], однако девушки не оставляли надежды получить необходимые знания. Сохранялась возможность договориться с преподавателями о несистематическом обучении, и В. Н. Фигнер со своей сестрой получили согласие профессора В. В. Марковникова на занятия в лаборатории, но без посещения лекций. Не сумев добиться каких-то результатов в понимании химических процессов, они отправились в анатомический театр к П. Ф. Лесгафту, допустившему сестер к практическим занятиям и на лекции. Но после отставки профессора, дворянкам пришлось прервать занятия, а весной 1872 года В. Н. Фигнер с мужем и сестрой отправилась в Цюрих.

И хотя сестры Фигнер не были пионерами в деле получения высшего образования за границей, мы расцениваем этот шаг как проявление эмансипации, стремление к знаниям вопреки ограничениям в стране, обусловленным представлениями о роли женщины в обществе.

В последней четверти XIX и начале XX столетий существовала возможность получить высшее образование при Императорском Казанском университете. Первые Высшие женские курсы действовали в Казани в 1876—1887 годах, Вторые Высшие женские курсы — в 1906—1918 годах. Однако ни одна из помещиц-авторов эпистолярных источников не была в числе слушательниц. В мемуарах К. Н. Боратынской встречается упоминание о ее намерении поступить слушательницей Высших женских курсов в 1896 году. К этому времени она уже выдержала экзамен на звание «домашней учительницы» [Боратынская, 2007, с. 97], занималась самообразованием: систематически читала, составляла конспекты по литературе, политэкономии, психологии и философии, знакомилась с периодикой — публикациями в толстых журналах «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство» и т. д. [Там же, с. 98]. Полная сил и энергии, К. Н. Боратынская жаждала деятельной жизни. Высших женских курсов в Казани тогда не было, а стать сельской учительницей ей не позволил отец. В это время она решает поступить в Казанскую художественную школу. Но, не

окончив курса, она подает документы на освободившееся место в земской школе в с. Шушары.

Дочь тетюшского предводителя дворянства В. Т. Молостова, Александра Валериановна, сообщала в автобиографии: «В годы, предшествовавшие 1917 году, была вольнослушательницей курсов иностранных языков в Ленинграде. Впоследствии, вступив в члены Петроградского Общества Содействия до- и внешкольному воспитанию под руководством тов. Калмыковой, я поступила продолжать учение на организованные Обществом краткосрочные педагогические курсы, одновременно принимая участие в устройстве яслей и клуба молодежи в рабочем районе Петрограда в 1915—1917 г. Ввиду семейных условий я не могла по окончании этих курсов тотчас продолжить свою педагогическую работу. Закончив ученье и практику, я в 1917 году вернулась в Казань» [ГАРТ, ф. 1183, оп. 1, д. 1, л. 1]. Однако жанр данного источника не позволяет увидеть мотивацию, поскольку автор оперирует только фактами.

3.2. Хозяйственная, медицинская и педагогическая деятельность дворянок Казанской губернии

Забота о хозяйстве была свойственна дворянкам во все периоды и являлась скорее обязанностью, чем сознательным выбором женщины. Но иногда, по необходимости или добровольно, владелицы поместий выходили за круг традиционных необходимых трудов. Например, мать М. П. Мертвого во время существования крепостного права управляла не только домом, но и незаметно для мужа всем домом и полевым хозяйством. Она открыла сельскую школу у себя в усадьбе, где сама выступала в роли учительницы, приобщая к этому делу дочь Соню, лечила крестьян.

Дворянка О. А. Боратынская вынуждена была приступить к хозяйственным делам в связи с кончиной мужа в 1898 году. Она «со свойственной ей энергией взяла в руки все сложное хозяйство по имению» [Боратынская, 2007, с. 131]. Но, по замечанию дочери Ксении Боратынской, мать «к этому делу особенной склонности не чувствовала». День Ольги Александровны начинался с того, что она ходила по коровникам и птичникам и лично контролировала пропуск молока через сепаратор, затем занималась счетами с конторщицей, а вечерами обсуждала со старостами работы следующего дня [Там же, с. 183].

Особой страстью О. А. Боратынской было садоводство. И хотя никаких познаний в этой отрасли у нее не было, она выписывала брошюры по теме, заказывала семена из иллюстрированного каталога знаменитого торгового дома «Э. Иммер и сын» [Там же], даже разбила оранжерею, представлявшую собой холодную комнату для выращивания семян цветов и ягодных кустов. Это увлечение было широким, известно, в частности,

что покупателями семян этой фирмы были А. П. Чехов, Толстые, которые разводили в своих усадьбах галантусы, розы, пионы, нарциссы. Ольга Александровне помогал садовник Ермолай, разводивший малину и клубнику [НМРТ, КПП 32827/17, с. 6].

Кроме того, О. А. Боратынская занималась распространением культурных занятий среди крестьянок. Главной отраслью стало вышивание. На мельнице была устроена мастерская художественного ткачества, приглашена мастерица для обучения женщин ремеслу. Выполненные ученицами заказы поступали на склад и в магазин. Такая мастерская просуществовала только два года, а вот «вышивка по дерганому полотну пошла в ход»: дворянка давала заказы крестьянкам, снабжая их материалом и хорошо оплачивая труд. Вся продукция сбывалась через кустарный магазин, стали приходить заказы из Москвы и Петербурга, а на Парижской выставке работы удостоились Похвального листа [Боратынская, 2007, с. 107]. Кроме того, произведения работниц экспонировались на Нижегородской и Казанской выставках и даже в Чикаго [Там же, с. 108]. Вдохновленная успехом, О. А. Боратынская организовала артель, в которую принимались работницы из все новых и новых деревень [Там же]. Но чаще всего приходили девушки из с. Бимерь, что в 4 верстах от Шушар [Там же, с. 182].

Ксения отмечала, что ни она, ни ее сестра Екатерина не допускались матерью к хозяйственным делам из-за их неопытной медлительности, Ольга Александровна все делала сама. В имении, предназначавшемся К. Н. Боратынской, наследница также не проявляла никакого интереса к делам и лишь «разыгрывала там роль будущей хозяйки» [Там же, с. 189]. Но уже будучи замужем, К. Н. Боратынская записывала в дневнике, как она со своими детьми трудилась на даче в Крутояре: пололи капусту, копнили сено [Там же, с. 387].

Погрузилась в хозяйственные дела своего имения дворянка М. Л. Казем-Бек после смерти управляющего Пустынникова, который, как следует из дневника, был «прекрасный хозяин», а потому никогда не требовалось вмешательства со стороны владелицы. Новость о его скоропостижной смерти застала М. Л. Казем-Бек врасплох [Казем-Бек, 2016, с. 112]. На время зимнего пребывания в Петербурге она при посредничестве своего родного дяди С. П. Толстого искала временного приказчика. В мае она прибыла в деревню «упорядочить дела, брошенные на произвол судьбы» [Там же, с. 130]. Однако ее инициативы не всегда были успешными. Например, М. Л. Казем-Бек пробовала наладить молочное хозяйство. Но, несмотря на некоторые успехи в этой отрасли, она столкнулась с противодействием со стороны персонала, который, как выяснилось, воровал молоко, а потому рассчитывать на устройство прибыльного маслоделия

дворянке не приходилось [Там же, с. 202—203]. Если при Пустынникове М. Л. Казем-Бек жила спокойно, то на нового управляющего, по ее словам, положиться было нельзя. Когда же она вступила в наследство — после раздела имущества с сестрой Надеждой, дворянка еще больше погрузилась в хозяйственные дела. Она решила продать сено с удвоившихся в ее владении луговых наделов. Подошло время покоса и нужно было торопиться, поэтому она решила организовать сбыт с пристани своих родственников Толстых в с. Мурзихе. Те, в свою очередь, согласились взять на себя отправку пробного сена, но промедлили, и «трава еще больше перестоялась» [Там же, с. 208]. Пришлось уволить лакея Гаврилу, который более 20 лет прожил у М. Л. Казем-Бек, но с годами пал нравственно из-за постоянного употребления алкоголя. Когда он стащил столовое серебро и заложил его, было решено с ним расстаться [Там же, с. 144—145].

Иногда женщина могла настолько погрузиться в управление помещением, что не допускала вмешательства мужчины. Примером может служить дворянка Симбирской губернии М. М. Бер. Ее судьба была тесно связана с Казанской губернией: ее дочь Елизавета вышла замуж за помещика Тетюшского уезда В. Г. Молостова, а сын Борис учился в Казанском университете, сама она также часто жила в Казани.

В письме за 1904 год М. М. Бер писала дочери из с. Знаменского, что имение уже несколько лет не дает никакой прибыли и требует «ломки всего хозяйства» [РГАЛИ, ф. 43, оп. 1, д. 121, л. 250]. Доверить поместье сыну Мария Михайловна не решалась: «В его годы поселиться навсегда в деревне без определенной цели и дела, без семьи, то есть жены и детей — для меня это только кажется фантазией» [Там же], — делилась она своими переживаниями с дочерью. Вопрос о реорганизации хозяйства оставался открытым и в последующие годы. Мать Бера понимала, что больше не в состоянии поддерживать сына материально, но и без помощи оставить его не могла. И когда Бер приезжал домой, то неизбежно заходил разговор о хозяйстве, который создавал напряженность в семье [Там же, л. 253, 297].

Нередко трудовая деятельность переплеталась с общественной. Это касается медицинской практики и преподавания. По возвращении из-за границы казанская дворянка В. Н. Фигнер принимала больных в с. Вязьмино Петровского уезда Саратовской губернии. Она вспоминала, что появление фельдшерицы стало диковинкой для крестьян, вскоре стали стекаться к ней десятками и сотнями. Фигнер трудилась совместно с сестрой Евгенией. Доктор, в свою очередь, не стеснял их надзором, а медикаменты получали непосредственно из управы от председателя. Однако, несмотря на доверие крестьян и земства, сестрам Фигнер не удалось избежать преследования полиции, в связи с чем пришлось прекратить свою деятель-

ность и покинуть деревню. В данном случае мы видим, что дворянки работали не ради денег, а для реализации своей идеи общественного блага.

Ксения Боратынская не была так решительно настроена, как Фигнер. Она зависела от отца и брата, но все же старалась следовать своим желаниям. Со времени зарождения идеи преподавать и до начала педагогической деятельности прошли годы. Окончательное решение далось не сразу. Этому предшествовали поездки в Татеву к известному педагогу А. С. Рачинскому и в Ясную Поляну к писателю и мыслителю Л. Н. Толстому. Началу учительской карьеры мешали несколько факторов: неодобрение родителей и сложный выбор между мечтой преподавать и созданием семьи.

Во время учебы в Казанской художественной школе Боратынская подала прошение в Округ народного образования для назначения ее кандидаткой-практиканткой в одну из приходских городских школ [Боратынская, 2007, с. 173]. Не кончив курса в художественной школе, Боратынская решила бросить занятия, поступив на место, освободившееся в Шушарской земской школе [Там же, с. 181]. Документы в земскую школу оформил ее брат А. Н. Боратынский. Он же впоследствии помог Ксении Николаевне с открытием своей школы, которая хотя и была зарегистрирована в земской управе, но проверка инспекторов в ней, благодаря покровительству Боратынского, носила формальный характер. Это позволило Боратынской реализовать в учебной программе и во внеурочное время самые смелые планы — от введения уроков трудового воспитания до чтения газет и обсуждения общественно-политической ситуации в стране в период первой русской революции [Там же, с. 324].

Среди авторов мемуаров и дневников также были руководители институтов. Например, С. П. Мертваго по окончании Смольного института приехала в Казань, где занималась обучением младшей сестры Марии, которая училась дома, а выдержав экзамен, получила диплом [Ватаци, 1913, с. 789]. Обучение и вся жизнь по настоянию Софьи и гувернантки m-lée Jenny Portales проходили по режиму: аккуратные часы занятий, еды, прогулок [Там же, с. 790]. Софья Петровна занималась самообразованием и даже написала диссертацию брата на юридическую тему [Там же, с. 790]. Все это свидетельствовало о тяге юной дворянки к преподаванию, любовь которому была привита еще в детстве, когда Софья помогала матери в ее сельской школе. Со временем С. П. Мертваго станет начальницей русского института императрицы Марии Федоровны в Черногории [Там же, с. 779].

Другая казанская дворянка, М. Л. Казем-Бек, до 1908 года включительно возглавляла Родионовский институт благородных девиц в Казани, затем — Елисаветинский институт благородных девиц в Санкт-Петербурге. В дневниковых записях дворянка Мария Львовна признается в том, что

назначение на должность стало переломным событием в ее жизни, в одном ряду с замужеством. К этому времени Казем-Бек была вдовой и могла себя всецело посвятить управлению делами учебного заведения, в том числе решению целого ряда бытовых проблем, которые подробно описывает в дневнике. Характерно, что ни Мария Львовна, ни ее дочь Прасковья не учились в институте — обе получили домашнее образование. Однако Казем-Бек видела в институтском образовании хорошую перспективу для девушки. Например, свою племянницу Надежду Усову, оставшуюся сиротой, спасая от отца-тирана, в 1890 году она устроила на педагогические курсы в Петербурге [Казем-Бек, 2016, с. 88].

3.3. Основные направления общественной деятельности казанских дворянок

Под общественной деятельностью дворянок подразумевается прежде всего благотворительность, о которой пишут практически все авторы, чьи воспоминания послужили источником данного исследования. На помощь нуждающимся дворянки приходили в годы неурожая, эпидемий. Основными формами временной поддержки были открытие столовых, приютов, а также оказание медицинской помощи. Иногда благотворительность носила перманентный характер и была направлена на поддержание уровня жизни. Для этого открывались сиротские приюты, школы, больницы.

Среди дворянок-филантропов была З. М. Молодцова. Она вышла замуж в 24 года за Н. В. Тиле. Но ее супруг был всецело занят своими делами и далек от «душевной и умственной жизни» своей супруги. Зинаида Модестовна занялась благотворительной деятельностью — много занималась сиротскими домами, в том числе устроив такой у себя в деревне [РГАЛИ, ф. 552, оп. 1, д. 4780, л. 1].

Другая дворянка, Ксения Боратынская, помогала старшей сестре Екатерине лечить крестьян. А та, в свою очередь, не имея медицинского образования, действовала в соответствии с инструкциями, который давал врач Г. П. Владимиров. К. Н. Боратынская раздавала хину от лихорадки, касторку, ромашку, борную кислоту. А в период эпидемии еще и ставила компрессы, клизмы, дежурила возле больного. Ксения отмечала, что только «служением народу» могла перебороть отвращение перед болезнью, в то время как ее сестра спокойно взялась за дело, понимая, что, кроме них, помогать некому [Боратынская, 2007, с. 115]. К ней охотно обращались заболевшие жители.

В неурожайный 1892 год развернула благотворительную деятельность в деревне М. Л. Казем-Бек. Ею на средства Особого комитета наследника Цесаревича, будущего императора Николая II, в Новоспасском были открыты три столовые для голодающих. Она старалась оказывать помощь

только тем крестьянам, кто действительно находился в нужде, но, как отмечала, было много попрошайничества. На комитетские деньги также были закуплены лошади и одежда для крестьян [Казем-Бек, 2016, с. 168—174].

В период военных кампаний неотъемлемой частью общественной жизни дворянок становилась работа в лазаретах. Так, с началом русско-японской войны Ксения Боратынская, как и другие слушательницы, записалась на курсы сестер милосердия. Каждый вечер вместе с другими дворянками она посещала лекции, а днем шла на практические занятия в больницах и госпиталях [Боратынская, 2007, с. 277]. На эти же курсы ходила ее двоюродная сестра Прасковья Казем-Бек, которая по окончании их сразу уехала на фронт, оставаясь там до конца войны, а впоследствии работала сестрой в годы Первой мировой войны и даже была командирована в Германию для обследования русских пленных [Там же, с. 278].

В Первую мировую войну дочь А. Н. Боратынского Ольга Ильина сразу поступила на курсы сестер милосердия. В течение трех месяцев — с августа по октябрь — она с подругами работала по 6 часов в сутки, а также по 3—4 часа слушала лекции. Ольга Александровна была прикомандирована к военному госпиталю, который, как ей показалось, являлся самым мрачным из всех городских лазаретов. Дежурства были ночные, и все девушки, как писала О. А. Ильина в автобиографическом романе, уставали [Ильина, 2008, с. 207].

В период Первой мировой войны Мария Казем-Бек увидела несерьезное отношение некоторых девушек к делу милосердия. Она отмечала в дневнике, что они, лишенные светских развлечений, превратили посещения в рауты. При этом больных размещали в роскошных особняках и для них устраивали концерты. Модным стало ношение костюма сестер милосердия [Там же, с. 459]. В связи с этим она вспоминала лазарет, в котором довелось дежурить в русско-турецкую войну 1877—1878 годов. Он размещался в частном доме, ни концертов, ни развлечений не было, но еда была простая, и приходил священник в дни больших праздников, что, по мнению дворянки, больше соответствовало духу военного времени [Там же, с. 460].

Еще одним видом общественной активности, доступной дворянкам, стали визиты и приемы, а также сопровождение в поездках, благотворительность, забота о своей популярности. Все это являлось светской обязанностью супруги высокопоставленного чиновника (иногда другой близкой родственницы). Так, М. Л. Казем-Бек, будучи женой высокопоставленного чиновника и живя в столице, вела светскую жизнь, начиная с осени и до отъезда в деревню в мае — начале лета. Она посещала театральные и балетные постановки, в том числе спектакли в знатных домах, в частности,

у Шереметьевых, Волконских и др. Публичные мероприятия Казем-Бек не посещала и с иронией относилась к таким развлечениям своей матери, когда та отправлялась на артиллерийский бал. Казем-Бек входила в число приглашенных гостей на бал императрицы или смотрела спектакли в Эрмитаже в присутствии царской фамилии, выезжала на приемы к Великой княгине, на бал у министра путей сообщения и раут у министра внутренних дел, «запросто» обедала у персидского посланника и у Победоносцевых вместе с привилегированной публикой, вечер проводила у графа Апраксина, сопровождала в командировку в Пермский край и на теплоходе до Астрахани [Казем-Бек, 2016, с. 67—69, 74—75, 97—98, 108, 114, 117, 124].

Кроме многочисленных визитов, М. Л. Казем-Бек также в определенный день каждую неделю принимала гостей у себя с 3 до 6 вечера. Так, на одном из приемов у Казем-Бек обсуждали смерть русского генерала в Париже от рук неизвестного убийцы. Кроме тем, которые волновали массы людей, поднимались философские вопросы «о широте души» и «лени русского человека» [Там же, с. 70, 103—104, 106].

Но Мария Львовна воспринимала светскую жизнь не просто как обязанность или развлечение, а как возможность использовать связи для устройства родственников в учебные заведения, продвижения по должности. Так, она договорилась о принятии своего пасынка Н. А. Казем-Бека на должность земского начальника в Казанской губернии [Там же, с. 168]. Овдовев, по прошествии многих лет, в январе 1913 года Казем-Бек писала: «Отвыкла я от общественной жизни, не тянет меня туда, и как-то странно я себя чувствую среди светских людей и чуждых мне интересов» [Там же, с. 329].

Если Казем-Бек, живя в Петербурге, довольно легко и даже с удовольствием несла бремя светских обязанностей, то провинциальным дворянкам это было в тягость. О. А. Ильина писала, что казанская бабушка «не может выносить великосветской жизни больше двух недель» [Ильина, 2008, с. 27]. Когда настало время дебютировать в светском обществе, Ильину сопровождала ее тетя Екатерина Николаевна. Когда-то после представления свету мать Ильиной была пожалована фрейлиной. Ожидалось, что и Ольга тоже будет пожалована: «Это звание не влекло за собой много обязанностей для молодой девицы — являться ко Двору на большие выходы, да иногда иметь возможность носить бриллиантовый шарф на платье, что в общем было очень заманчиво», — писала О. А. Ильина в романе [Там же, с. 72]. Также она отмечала, что положение отца (а он в разные годы был уездным предводителем дворянства и депутатом Государственной думы) вынуждало тетю Екатерину Николаевну взять на себя светские обязанности представительства. Последняя не признавала никакие формальные

приемы, выезды и вечера, которые, по словам Е. Н. Боратынской, были хороши только для молодежи [Боратынская, 2007, с. 72]. И даже были у нее свои приемные дни [Там же, с. 73]. Ни делать визиты, ни принимать гостей тетя Ильиной не любила. Однако обойтись без данного вида социальной активности Екатерина Николаевна не могла, так как это была неотъемлемая составляющая светской жизни всех женщин, чьи близкие родственники занимали значимое положение в обществе.

4. Заключение = Conclusions

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о стремлении некоторых казанских дворянок к продолжению образования после окончания курса средней школы. Однако у каждой из них был свой путь к реализации своего желания. Фигнер шла к цели без колебаний. Несмотря на отсутствие поддержки отца, у нее были единомышленники в лице близких ей людей — сестер, кроме того, ее взгляды на получение высшего образования разделял супруг. Она уехала за границу для обучения в университете с целью овладения знаниями, которые позволили бы ей оказывать реальную помощь крестьянскому населению. Боратынская действовала менее решительно: она не стала переезжать в Москву, где в это время действовали Высшие женские курсы, а выбрала другую альтернативу — Казанскую художественную школу. Для преподавания в обычной сельской школе Боратынской достаточно было звания домашней учительницы, и поступление в другое учебное заведение было скорее вынужденным шагом — на время, пока не приступит к педагогической деятельности, которая откладывалась по разным причинам: запрет отца, а также порожденные этим внутренние сомнения.

Анализируя хозяйственную деятельность дворянок, мы увидели, что они рассматривали экономику своего поместья в соединении с крестьянским хозяйством. О. А. Боратынская, занимаясь своим имением, развивала также кустарные промыслы среди крестьянок. Но ей пришлось взять в свои руки ведение дел в имении только после смерти супруга, так как старший сын был занят в дворянском и земском самоуправлении, а впоследствии являлся депутатом Третьей Государственной думы.

М. Л. Казем-Бек также вынужденно взялась за поместье — в связи со смертью управляющего, а муж целиком был поглощен государственной службой и приезжал в деревню только на время отпуска. Находясь в поместье, она считала своим долгом организовать материальную поддержку окрестных крестьян, пострадавших в неурожайные годы.

Трудовая деятельность дворянок Фигнер и Боратынской тоже находилась в тесной взаимосвязи с общественной активностью. Через свою

работу помещицы не только получали возможность самореализации, но главное — могли поддерживать крестьян, и стремление помогать выступало основным мотивом для начала профессиональной деятельности представительниц высшего сословия.

Изучение общественной деятельности дворянок показало, что они должны были выезжать в свет и устраивать приемы. Там они находили женихов, приобретали полезные связи, но если бы они не выполняли свои обязанности, то последовали бы значительные негативные последствия в виде отстраненности от дворянского общества. Поэтому в общественной жизни женщины еще воспринимались скорее как узницы социальных правил.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Боратынская К. Н.* Мои воспоминания / К. Н. Боратынская. — Москва : Зебра Е : Алта-Принт, 2007. — 538 с. — ISBN 5-94663-406-2.
2. *Ватаци М. П.* Быль минувшего / М. П. Ватаци // Исторический вестник. — 1913. — Т. 132. — С. 775—791.
3. *Вернадская М. Н.* Женский труд / М. Н. Вернадская // Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, уроч. Шигаевой. — Санкт-Петербург : Тип. Деп. уделов, 1862. — С. 94—115.
4. ГАРТ — Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 1183 (Молостова Александра Валериановна — потомственная дворянка, крупная землевладелица Спасского уезда). Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
5. *Женская* общинная благотворительность в России // Гражданин. — 1875. — № 15/16. — С. 371—373.
6. *Женщины* в революции [Воспоминания]. — Москва : Госполитиздат, 1959. — 471 с.
7. *Ильина О. А.* Канун Восьмого дня / О. А. Ильина. — Казань : Заман, 2003. — 400 с. — ISBN 5-89052-018-0.
8. *К организации* высших женских физико-математических курсов // Камско-Волжская речь : [газета]. — 1914. — № 100. — С. 4.
9. *Казем-Бек М. Л.* Дневники / М. Л. Казем-Бек. — Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2016. — 560 с. — ISBN 978-5-7533-1176-4.
10. *Межуев П. Г.* Женский вопрос и женское движение / П. Г. Межуев. — Санкт-Петербург : Тип. Альтшулера, 1906. — 72 с.
11. *Петражицкий Л. И.* О пользе политических прав женщин / Л. И. Петражицкий. — Санкт-Петербург : Тип. Б. М. Вольфа, 1907. — С. 5—11.
12. НМРТ — Национальный музей Республики Татарстан. КП. 32827/17. О. А. Боратынская «Из гнезда». — 143 с.
13. РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусств. Ф. 43 (Бер Борис Владимирович (1871—1921) — поэт, переводчик). Оп. 1. Д. 121. Л. 250 ; Ф. 552 (Чертков Владимир Григорьевич (1854—1936) — публицист, основатель издательства «Посредник», друг и последователь Л. Н. Толстого). Оп. 1. Д. 4780. Л. 1.

14. Сухов А. А. Общество Распространения между образованными женщинами практических знаний, женское медицинское образование и женский медицинский труд (Доклад 5 мая 1911 г. Общему собранию гг. членов Общества распространения между образованными женщинами практических знаний) / А. А. Сухов. — Москва : Тип. ТД «М. В. Балдин и Ко», 1912. — 17 с.

15. *Телеграфная служба и женщина* // Дамский мир. — 1916. — № 12. — С. 33.

16. Фигнер В. Н. Запечатленный труд (Воспоминания в двух томах) / В. Н. Фигнер. — Москва : Задруга, 1922. — Т. 1. — 318 с.

Литература

1. Афонина Е. В. Высшее женское образование в Казани : вторая половина XIX — начало XX в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. В. Афонина. — Казань, 2002. — 202 с.

2. Белова А. В. Женское институтское образование / А. В. Белова // Педагогика. — 2002. — № 9. — С. 76—83.

3. Веретенко В. А. Подготовка дворянок к хозяйственной деятельности в семье в России второй половины XIX — начала XX вв. / В. А. Веретенко // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2014. — № 4. — С. 62—65.

4. Веретенко В. А. Женщины в русских университетах : (вторая половина XIX — начало XX в.) / В. А. Веретенко. — Санкт-Петербург : Изд-во Высш. адм. шк., 2004. — 148 с. — ISBN 5-94815-007-0.

5. Мартыненко Н. К. Женское движение в России во второй половине XIX — начале XX вв. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. К. Мартыненко. — Воронеж, 2002. — 244 с.

6. Миловидова Э. Женский вопрос и женское движение : хрестоматия / Э. Миловидова. — Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1929. — 507 с.

7. Оноприенко И. Г. Женское дворянское образование во второй половине XIX в. (на примере Центрального Черноземья) / И. Г. Оноприенко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : История, Политология, Экономика, Информатика. — 2009. — № 15. — Выпуск 12. — С. 111—115.

8. Паравина М. Н. Гимназическое образование в Казанской губернии во второй половине XIX — начале XX в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / М. Н. Паравина. — Казань, 2006. — 273 с.

9. Пашенцева С. В. Женские благотворительные общества Российской империи / С. С. Пашенцева. — Москва : ИКАР, 2003. — 115 с. — ISBN 5-8309-0069-6.

10. Кеня И. А. Женская благотворительность как особый элемент российской благотворительности в XIX — начале XX в. / И. А. Кеня // Genesis: исторические исследования. — 2014. — № 5. — С. 53—77. — DOI: 10.7256/2306-420X.2014.5.12462.

11. Пушкарева Н. Л. Женщины-историки России 1810—1917 годов / Н. Л. Пушкарева // Вестник Пермского университета. — 2012. — Выпуск 1 (18). — С. 228—245.

12. Самойлова К. Н. Работница в Российской революции / К. Н. Самойлова. — Харьков : Гос. изд-во, 1920. — 14 с.

13. Семенова Т. Г. Высшее образование для женщин в России XIX века (страницы истории) / Т. Г. Семенова // Финансы : теория и практика. — 1998. — № 1. — С. 102.

14. Тишкин Г. А. Женский вопрос в России в 50—60-е годы XIX века / Г. А. Тишкин. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1984. — 239 с.

15. Тончу Е. А. У милосердия женское лицо / Е. А. Тончу. — Москва : Издательский дом Тончу, 2008. — 215 с. — ISBN 978-5-91215-028-9.
16. Утробина И. В. Педагогическое образование в Казанской губернии в последней четверти XIX — начале XX в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / И. В. Утробина. — Казань, 1999. — 232 с.
17. Фалько Е. И. Русское Женское Взаимо — Благотворительное общество (1895—1918). Опыт источниковедческого поиска / Е. И. Фалько // Вестник архивиста : информационный бюллетень. — 2002. — № 3 (69). — С. 168—182.
18. Федосова Э. П. Бестужевские курсы — первый женский университет в России (1878—1918 гг.) / Э. П. Федосова. — Москва : Педагогика, 1980. — 144 с.
19. Федотова А. Ю. «Благотворительница» — женская профессия второй половины XIX — начала XX вв. / А. Ю. Федотова // Женский труд в России и в мире : история, традиции, особенности. — Москва : ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2024. — С. 134—143.
20. Филатова С. В. «Всею руководила его жена, а он всё время проводил в своём кабинете... и писал стихи» : иерархия ролей в провинциальных дворянских и купеческих семьях второй половины XVIII — начала XX в. / С. В. Филатова // Исторический курьер. — 2019. — № 3 (5). — С. 152—164.
21. Фролова С. А. От частных уроков — к собственной школе : участие гувернеров в создании частных учебных заведений в России (конец XVIII — первая половина XIX в.) / С. А. Фролова // Французский ежегодник. — 2011. — Т. 2011. — С. 92—109.
22. Фролова С. А. «Открыла я там... с позволения начальства пансион для детей мужеского и женского пола» (Учебные заведения француженки Марии Пото в Казани) / С. А. Фролова // Эхо веков — Гасырлар авазы. — 2011. — № 1. — С. 166—179.
23. Чернуха В. В. Образование дворянок в России в XIX веке / В. В. Чернуха, Г. В. Тимошенко // Наука, образование, общество : тенденции и перспективы. Сб-к науч. трудов по мат-лам Междунар. научно-практ. конф. — Люберцы : АР-Консалт, 2008. — С. 105—108.

Статья поступила в редакцию 19.03.2025,
одобрена после рецензирования 29.05.2025,
подготовлена к публикации 22.06.2025.

Material resources

- Boratynskaya, K. N. (2007). *My memories*. Moscow: Zebra E: Alta-Print. 538 p. ISBN 5-94663-406-2. (In Russ.).
- Figner, V. N. (1922). *Imprinted work (Memoirs in two volumes), 1*. Moscow: Zadruga. 318 p. (In Russ.).
- GARTH — *The State Archive of the Republic of Tatarstan. F. 1183 (Alexandra Valerianovna Molostva is a hereditary noblewoman, a large landowner of the Spassky district). Op. 1. D. 1. L. 1*. (In Russ.).
- Ilyina, O. A. (2003). *The Eve of the Eighth day*. Kazan: Zaman. 400 p. ISBN 5-89052-018-0. (In Russ.).
- Kazem-Bek, M. L. (2016). *Diaries*. Moscow: Sretensky Monastery Publishing House. 560 p. ISBN 978-5-7533-1176-4. (In Russ.).
- Mezhuyev, P. G. (1906). *The women's issue and the women's movement*. St. Petersburg: Type. Altshuler. 72 p. (In Russ.).

- NMRT — *National Museum of the Republic of Tatarstan*. KP. 32827/17. O. A. Boratynskaya “From the nest”. 143 p. (In Russ.).
- Petrazhitsky, L. I. (1907). *On the benefits of women’s political rights*. St. Petersburg: B. M. Wolf Publishing House. 5—11. (In Russ.).
- RGALI — *Russian State Archive of Literature and Arts*. F. 43 (Boris Vladimirovich Ber (1871—1921) — poet, translator). Op. 1. D. 121. L. 250; F. 552 (Vladimir Grigorievich Chertkov (1854—1936)). (In Russ.).
- Sukhov, A. A. (1912). *Society for the Dissemination of practical knowledge among educated women, women’s medical education and women’s medical work (Report on May 5, 1911 To the General Meeting of the members of the Society for the Dissemination of Practical Knowledge among Educated Women)*. Moscow: Type. TD “M. V. Baldin and Co.”. 17 p. (In Russ.).
- The telegraphic service and the woman. (1916). *The Ladies’ world*, 12: P. 33. (In Russ.).
- Towards the organization of higher women’s physics and mathematics courses. (1914). *Kam-sko-Volzhskaya speech: [newspaper]*, 100: P. 4. (In Russ.).
- Vatatsi, M. P. (1913). The past. *Historical Bulletin*, 132: 775—791. (In Russ.).
- Vernadskaya, M. N. (1862). Women’s labor. In: *The collected works of the late Maria Nikolaevna Vernadskaya, urozh. Shigaeva*. St. Petersburg: Typ. Dept. udelov. 94—115. (In Russ.).
- Women in the revolution [Memoirs]*. (1959). Moscow: Gospolitizdat. 471 p. (In Russ.).
- Women’s community charity in Russia. (1875). *Citizen*, 15/16: 371—373. (In Russ.).

References

- Afonina, E. V. (2002). *Higher women’s education in Kazan: the second half of the XIX — early XX century*. PhD Diss. Kazan. 202 p. (In Russ.).
- Belova, A. V. (2002). Women’s institute education. *Pedagogy*, 9: 76—83. (In Russ.).
- Chernukha, V. V., Timoshenko, G. V. (2008). Education of noblewomen in Russia in the 19th century. In: *Science, education, society: trends and prospects. Collection of scientific papers on the materials of the International Scientific and Practical Conference*. Lyubertsy: ART-Consult. 105—108. (In Russ.).
- Falko, E. I. (2002). Russian Women’s Mutual Charity Society (1895—1918). The experience of source research. *Archivist’s Bulletin: information bulletin*, 3 (69): 168—182. (In Russ.).
- Fedosova, E. P. (1980). *Bestuzhev courses — the first women’s university in Russia (1878—1918)*. Moscow: Pedagogika Publ. 144 p. (In Russ.).
- Fedotova, A. Y. (2024). “Philanthropist” is a female profession of the second half of the XIX — early XX centuries. In: *Women’s labor in Russia and in the world: history, traditions, features*. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics. 134—143. (In Russ.).
- Filatova, S. V. (2019). “His wife was in charge of everything, and he spent all his time in his office ... and wrote poetry”: hierarchy of roles in provincial noble and merchant families of the second half of the XVIII — early XX century. *Historical Courier*, 3 (5): 152—164. (In Russ.).
- Frolova, S. A. (2011). “I opened boarding schools for male and female children there ... with the permission of the authorities” (Educational institutions of Frenchwoman Maria Poto in Kazan). *The echo of centuries — Gasyrlar avaza*, 1: 166—179. (In Russ.).

- Frolova, S. A. (2011). From private lessons to one's own school: the participation of tutors in the creation of private educational institutions in Russia (late XVIII — first half of the XIX century). *French Yearbook, 2011*: 92—109. (In Russ.).
- Kenya, I. A. (2014). Women's charity as a special element of Russian charity in the 19th — early 20th century. *Genesis: Historical research, 5*: 53—77. DOI: 10.7256/2306-420X.2014.5.12462. (In Russ.).
- Martynenko, N. K. (2002). *The women's movement in Russia in the second half of the 19th — early 20th centuries*. PhD Diss. Voronezh. 244 p. (In Russ.).
- Milovidova, E. (1929). *The women's question and the women's movement: a textbook*. Moscow; Leningrad: State Publishing House. 507 p. (In Russ.).
- Onoprienko, I. G. (2009). Women's noble education in the second half of the 19th century. (on the example of the Central Chernozem region). *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History, Political Science, Economics, Computer Science, 15 (12)*: 111—115. (In Russ.).
- Paravina, M. N. (2006). *Gymnasium education in the Kazan province in the second half of the XIX — early XX century*. PhD Diss. Kazan. 273 p. (In Russ.).
- Pashentseva, S. V. (2003). *Women's charitable societies of the Russian Empire*. Moscow: IKAR. 115 p. ISBN 5-8309-0069-6. (In Russ.).
- Pushkareva, N. L. (2012). Women historians of Russia 1810—1917. *Bulletin of Perm University, 1 (18)*: 228—245. (In Russ.).
- Samoilova, K. N. (1920). *The worker in the Russian Revolution*. Kharkov: State Publishing House. 14 p. (In Russ.).
- Semenkova, T. G. (1998). Higher education for women in Russia of the 19th century (pages of history). *Finance: theory and practice, 1*: P. 102. (In Russ.).
- Tishkin, G. A. (1984). *The women's issue in Russia in the 50—60s of the XIX century*. Leningrad: Leningrad State University Publishing House. 239 p. (In Russ.).
- Tonchu, E. A. (2008). *Mercy has a woman's face*. Moscow: Tonchu Publishing House. 215 p. ISBN 978-5-91215-028-9. (In Russ.).
- Utrobina, I. V. (1999). *Pedagogical education in the Kazan province in the last quarter of the XIX — early XX century*. PhD Diss. Kazan. 232 p. (In Russ.).
- Veremenko, V. A. (2004). *Women in Russian universities: (the second half of the XIX — early XX century)*. Saint Petersburg: Higher Administrative School Publishing House. 148 p. ISBN 5-94815-007-0. (In Russ.).
- Veremenko, V. A. (2014). Preparation of noblewomen for economic activity in the family in Russia in the second half of the XIX — early XX centuries. *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin, 4*: 62—65. (In Russ.).

*The article was submitted 19.03.2025;
approved after reviewing 29.05.2025;
accepted for publication 22.06.2025.*